
Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-32-45

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ У НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Зулейха Жамботовна Глашева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zu-20.80@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2484-2398>

© З.Ж. Глашева, 2025

Аннотация. В статье рассматриваются исторические факторы и организационные аспекты формирования российской системы образования у народов Центрального Кавказа. Показаны методы, которые использовались российскими властями при создании системы образования в регионе. Анализируется, как российская администрация выстраивала образовательную систему, преодолевая финансовые трудности, бюрократические преграды организовывала сложное, но необходимое взаимодействие с местными (кавказскими) и высшими имперскими властями. Рассматриваются также инициативы местных властей и общественности, направленные на создание образовательных учреждений. Изучены рапорты, мнения, предложения, проекты и законодательные акты способствовавшие развитию образовательной системы, ориентированной на воспитание детей горской аристократии в духе общероссийской культуры и гражданственности. С опорой на разнообразные нарративные материалы, нормативные акты и делопроизводственные документы, в том числе ранее не опубликованные архивные источники, рассматриваются основные этапы становления образовательных учреждений российской системы образования в регионе, которые использовались как инструмент интеграции кавказских народов в общероссийское социокультурное пространство в первой половине XIX в.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, аманатская школа, Ставропольская гимназия, Нальчикская (Кабардинская) школа, кадетский корпус

Для цитирования: Глашева З.Ж. История развития образовательной системы у народов Центрального Кавказа в первой половине XIX в. // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 32–45. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-32-45

Original article

HISTORY THE DEVELOPMENT OF THE EDUCATIONAL SYSTEM AMONG THE PEOPLES OF THE CENTRAL CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Zuleikha Zh. Glasheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zu-20.80@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2484-2398>

© Z.Zh. Glasheva, 2025

Abstract. The article examines the historical factors and organizational aspects of the formation of the Russian education system among the peoples of the Central Caucasus. The methods used by the Russian authorities in creating the education system in the region are shown. The article analyzes how the Russian administration built the educational system, overcoming financial difficulties, bureaucratic obstacles and organizing complex but necessary interaction with local (Caucasian) and top imperial authorities. Initiatives by local authorities and the public aimed at creating educational institutions are also being considered. The reports, opinions, proposals, projects and legislative acts that contributed to the development of an educational system focused on raising children of the mountain aristocracy in the spirit of Russian culture and citizenship have been studied. Based on a variety of narrative materials, regulations and records, including previously unpublished archival sources, the main stages of the formation of educational institutions of the Russian education system in the region, which were used as a tool for the integration of Caucasian peoples into the all-Russian socio-cultural space in the first half of the 19th century, are considered.

Keywords: Russian Empire, North Caucasus, Amanat school, Stavropol gymnasium, Nalchik (Kabardian) school, cadet corps

For citation: Glasheva Z.Zh. History the development of the educational system among the peoples of the Central Caucasus in the first half of the 19th century. Vestnik KBIGI = KBiHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 32–45. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-32-45

Необходимость всестороннего анализа процесса интеграции региона в состав России обуславливает актуальность данной статьи. Важно отметить, что в исследуемый период российская политика, направленная на включение народов Кавказа в Российское государство, была связана не только с силовыми (военными) методами, но и с мирными инициативами в образовательной сфере.

Вопросы, связанные с историей становления и функционирования российской системы образования в горской среде, в советский и постсоветский периоды стали предметом исследований: И.П. Копачева [Копачев 1964], Л.С. Гатаговой [Гатагова 1993], М.З. Саблирова [Саблиров 2001], Т.Х. Кумыкова [Кумыков 2002], Ю.Ю. Клычникова [Клычников 2002], М.В. Клычниковой [Клычникова 2006], О.С. Пылкова [Пылков 2006], М.Ф. Титоренко, О.Г. Шкилевы [Титоренко, Шкилевы 2008], С.А. Айларовой [Айларова 2009], А.Т. Урушадзе [Урушадзе 2015], Д.В. Умарова [Умаров 2023], З.Ж. Глашевой [Глашева 2018; Глашева 2024].

С конца XVIII в. Россия активно укрепляла свое влияние на Кавказе. Как отмечает И.П. Копачев, это достигалось, «с одной стороны, строительством военных укреплений и увеличением численности войск, с другой – подготовкой из местных князей и дворян верноподданных, воспитанных в духе русской гражданственности и способных действовать на умы своих единомышленников» [Копачев 1964: 40] в интересах Российского государства. На начальном этапе подготовки образованных горцев, определенную роль сыграли аманатские школы. В них содержались аманаты (заложники) из знатных горских фамилий, с целью гарантить соблюдения ими верноподданнических отношений с Россией. Первая школа была открыта в 1735 г. в Кизлярской крепости, где находились аманаты из Большой и Малой Кабарды, Чечни, Кумыкии [Бутков: 157–159]. Позднее такие школы появились и в других крупных крепостях региона.

В 1775 г. губернатор Астрахани П.Н. Кречетников предложил создать в Астрахани наряду со школами для аманатов, школы для «владельческих детей», не состоявших в аманатах. Они должны были готовить кадры для военной и административной службы на Кавказе. Чтобы привлечь в школу больше детей, П.Н. Кречетников предлагал разрешить в соответствии с обычаями, посыпать вместе со своими детьми «дядек и мамок» (воспитателей). С той же целью он рекомендовал отпускать преуспевающих воспитанников домой на некоторое время, чтобы их пример побудил других родителей отправлять своих детей в школу. Он полагал, «Если бы за короткое время в эту школу было набрано необходимое число детей,

обращенных со временем в христианскую веру, то тогда отпала бы нужда и в аманатах [Копачев 1964: 41]. Предложение астраханского губернатора свидетельствует о том, что уже в конце XVIII в. российские власти стремились использовать школу как инструмент для усиления российского влияния в регионе.

В аманатских школах обучали русскому языку, арифметике и истории. Из учебной программы Екатериноградской школы, открытой в 1788 г., видно, «что царские власти намеревались обучать аманатов и родным языкам, необходимым для службы» [Краснов 1913: 15–16]. Несмотря на то, что аманатские школы не смогли полностью выполнить задачи, поставленные российскими властями по созданию пророссийски ориентированных горцев, но при этом они способствовали распространению русской культуры. По мере расширения российских владений на Кавказе увеличивалась и потребность в пророссийски настроенных кадрах в военной и гражданской сферах. Это учитывали и представители Российской администрации при разработке мер по освоению региона.

В первое десятилетие XIX в. позиции российских властей по подготовке образованных горцев были изложены во всеподданнейшем рапорте П.Д. Цицианова от 23-го марта 1804 г. № 7. В качестве культурно-образовательных мер предлагалось: «1) перемену воспитания, 2) введение в Кабарде роскоши, 3) сближение оной с российскими нравами, ...наклонять их разными прелестями отдавать детей своих в училища, нарочно имеющие быть заведенными в Георгиевске и в Екатеринограде, где ничему больше не обучать, как российскому и татарскому языкам, и потом под видом усовершенствования наук отсылать княжеских домов детей в кадетские корпусы, отколь росписывать в полки отдаленные от Кавказской линии; таковые школы завести для узденей или дворян кабардинских, но в полки выпускать с понижением чинов против княжеских детей, дабы не оскорбить сих при начале сего благотворного действия» [АКАК. Тифлис. 1868. Т. II. Ст. 1943. С. 953]. В 1805 г. в предписание князя П.Д. Цицианова генерал-майору И.П. Дельпоццо от 29-го января № 54 все тезисы рапорта от 23-го марта 1804 г. были повторены: «оставя сию систему, основать новую на трех главнейших предметах, а именно: 1) на перемене их воспитания, 2) на введение в Кабарду роскоши и 3) на сближение оной с российскими нравами, покровительствуя наружно их веру и умножая случаи к сообщению с российскими» [АКАК. Тифлис. 1868. Т. II. Ст. 1952. С. 959]. Далее он пишет об административно-бюрократическом продвижении инициативы: «по представлению моему Высочайше утверждено: 1) чтобы в Георгиевске и в Екатеринограде заведены были училища для обучения детей кабардинских владельцев и узденей, каковые воспитанники после перемещаемы были бы из училищ в кадетские корпуса; ...4) чтобы сформировать Кабардинский гвардейский эскадрон [АКАК. Тифлис. 1868. Т. II. Ст. 1952. С. 959]. В своих рапортах П.Д. Цицианов неоднократно указывал, что главной задачей в процессе установления более тесных связей с горскими народами он видел в перемене воспитания жителей Кабарды, что, по его мнению, способствовало бы сближению с Россией. Кабардинцы, населявшие равнинные территории Центрального Кавказа к началу XIX в., уже обладали опытом взаимодействия с российскими военными и гражданскими властями на Кавказе, что выделяло их среди других народов. Наличие российских административных и судебных учреждений – Родовых судов и расправ, на территории Кабарды способствовало дальнейшему расширению российского культурного влияния, которое распространялось через кабардинцев.

В своем рапорте за 1806 г. Его Императорскому Величеству Д.П. Цицианов последовательно повторил без изменений свои тезисы: «1-е. Перемену воспитания; 2-е. Введение в Кабарду роскоши; 3-е. Сближение оной с российскими нравами, покровительствуя наружно их веру, и умножая случай к сообщению с россиянами; по мнению моему необходимо, нужно сделав начальником Кабардинской области генерал-майора, поелику они все имеют военные чины и не имеют никакого

уважения к статским, предпочитая войну и силу всему; а чин сей для того, что из них есть имеющие полковничьи чины; чрез него стараться всеми мерами наклонить их разными прелестями отдавать детей своих в училища, нарочно имеющими быть заведенными в Георгиевске и в Екатеринограде, где ничему больше не обучать, как российскому и татарскому языкам, и потом, под видом усовершенствования наук отсыпать княжеских домов детей в кадетские корпусы, от коих расписывают в полки, отдаленные от Кавказской линии. Таковые школы завести для узденей или дворян кабардинских; но в полки выпускать с понижением чинов против княжеских детей, дабы не оскорбить сих при начале сего благотворного действия [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 376. Л. 3].

В проекте реформы, разработанной И.П. Дельпоццо в 1808 г., в Большой и Малой Кабарде предлагалось: «2-е. Построить дома для училищ и производить учителям жалование; 3-е. Владельческих и узденских детей брать в школы, учить начальным правилам российской словесности и потом отправлять в кадетские корпуса, сходно с подданным Его Императорскому Величеству покойным генералом от инфантерии князем Цициановым от 23 марта прошлого 1804 года донесением; 4-е. Содержание учеников, выписывание книг и прочих материалов определить из доходов соляных» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18491. Л. 26 об.]. Проекты, разработанные в течение первого десятилетия XIX столетия, остались нереализованными. Причиной тому послужила неблагоприятная военно-политическая обстановка в регионе, препятствовавшая их практической реализации.

В конце 20-х гг. XIX в. вернулись к рассмотрению нереализованных проектов П.Д. Цицианова и И.П. Дельпоццо. В 1829 г. генерал-майор Ф.А. Бекович-Черкасский предложил проект, по которому важным условием подъема культуры и хозяйственной жизни Кабарды должно было стать образование и воспитание. Он писал главноуправляющему на Кавказе И.Ф. Паскевичу (1827–1831): «Воспитание есть первая и главная пружина к утверждению благосостояния народа. Кабардинцы, как известно, народ, приобщивший к жизни бурной, имеющий нравы закоснелые в грабежах и разбоях, почитающий все сие добродетелью и чуждающийся с минуты рождения своего жизни трудолюбивой, требуют больших попечений. По сему главным и первым предметом должно быть учреждение в городе училища для малолетних детей» [АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. Ст. 843. С. 872]. Далее он пишет: «В заведении сем уча токмо писать и читать по-татарски и не более как десяти заповедям их закона, необходимо стараться преподавать им более первоначальные науки на русском языке, внушая им под самою благовидною личиною обязанности человека в отношении к Богу, ближнему, самому себе и правительству русскому, им благотворящему. Дети, живя на казенном иждивении в училище, не видя между собою дурных примеров и не получая наставлений от отцов своих, почитающих неистовство священною обязанностью, в продолжение юных дней познакомятся сколько ни будь с просвещением. К сему необходимо еще и то, дабы родители и родственники видели детей однажды в месяц и то иначе, как в училище при их наставниках. Курс наук их в сем заведении не должен продолжаться более трех лет, и по истечении сего термина (времени – 3.Г.) отсылать их в высшие в России училища [АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. Ст. 843. С. 872]. Проект Ф.А. Бекович-Черкасского предполагал не только открытие учебного заведения, но и создание города. «При подробном рассмотрении состояния кабардинцев, искони углубленных в порочные предрассудки праотцев своих, представляется величайшею пользою для возведения их на степень благородного образования основать город около Нальчикской крепости как пункт, составляющий средоточие всей Кабарды» [АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. Ст. 843. С. 871]. Преобразования должны были продемонстрировать преимущества развитой гражданской и хозяйственной жизни, а также повышения уровня комфорта. С этой целью, по его мнению, необходимо было воспитывать кабардинцев в духе преданности российскому правительству.

После получения высшего образования в России они должны были возвращаться в Кабарду, получая преимущественное право на занятие должностей в имперской системе управления. Предполагалось, что это вызовет в остальных князьях и дворянах стремление «сколько-нибудь ближе сдружиться с россиянами и со своими образованными туземцами, дабы, получив место, пользоваться уважением равных себе» [АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. Ст. 843. С. 872].

Несмотря на то, что проект Ф.А. Бекович-Черкасского остался неосуществленным, в 1829 г. в Нальчикской крепости была открыта аманатская школа. Аналогичные школы функционировали и в других крупных крепостях Кавказской линии. Инициатором создания школы был Ш.Б. Ногмов, при содействии командующего Кавказской линии и в Черномории Г.А. Эммануэля. Обучение детей из привилегированных сословий горцев осуществлялось «за счет сумм, состоящих в распоряжении Его Императорского Высочества и наместника Кавказского, Кабардинской общественной суммы» [Титоренко, Шкилева 2008: 27]. Программа школы включала изучение арифметики, русского языка и т.д. Школа функционировала в течение года, до отъезда Ш.Б. Ногмова в Санкт-Петербург. Как отмечает С.А. Айларова образование, полученное в российских учебных заведениях, должно было готовить из горцев «не просто лояльных и верных России администраций, военных» [Айларова 2009: 105]. Они также должны были «формировать в первенцах северокавказской интеллигенции новую этику ратного и управляемческого труда, видеть в воинском призвании идею служения России как своей родине» [Айларова 2009: 105].

В августе 1831 г. командующий Кавказской линией и Черноморией Г.А. Эммануэль представил кавказской администрации проект строительства школы и мечети для аманатов в крепости Нальчик [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 23, 24, 25, 26]. Данная инициатива, наряду с ранее выдвинутой Ф.А. Бековичем-Черкасским, не была осуществлена. Т.Х. Кумыков указывал, что, несмотря на завершение проектных и сметных работ, необходимых для возведения школьного здания, оно не было построено. Причиной послужило общее распоряжение 1836 г., «принимать туземное юношество в полковые и батальонные школы при войсках Кавказского корпуса» [Кумыков 1996: 210].

Николай I отклонил предложение о строительстве школы в Нальчике, счтя его слишком дорогим и нецелесообразным. Вместо этого, он указал на возможность, появившуюся с 28 апреля 1836 г., для горских юношей поступать в школы военных воспитанников при полках и батальонах Отдельного Кавказского корпуса. 6 ноября 1837 г. было издано положение «О выпуске находящихся в кадетских корпусах воспитанников из горцев офицерами в Кавказские линейные казачьи полки» [ПСЗРИ. Собр. II. 1837. Т. XII. Отд. 2-е. № 10670. СПб., 1838. С. 856], которое дополняло закон 1836 г. По нему «повелено, находящихся в кадетских корпусах воспитанников из горцев, по приобретении ими достаточных познаний в науках, выпускать офицерами в Кавказские линейные казачьи войска, с определением в полки, ближайшие к местам их оседлости» [ПСЗРИ. Собр. II. 1837. Т. XII. Отд. 2-е. № 10670. СПб., 1838. С. 856]. Николай I считал, что обучаясь в таких школах совместно с русской молодежью, горцы «скорее выучатся языку и ознакомятся с нашими понятиями» [Народное образование... 2001: 38]. Планировалось распространить этот опыт на весь Северный Кавказ.

Открытие первого учебного заведения на Кавказе было приурочено к посещению Ставрополя императором Николаем I. И.В. Бентковский описывая это событие писал: «18 октября 1837 г. в одиннадцать часов началось долгожданное торжество на котором, присутствовал император. Государя со свитой у парадного входа встретил исправлявший должность директора М.Ф. Беляев. В его сопровождении император отправился осматривать помещения. Поднимаясь по лестнице император поинтересовался сколько учащихся в училище: “всех учащихся 483,

в гимназии 53 на лицо, не прибывших из городов 12, имеется в виду более 20 человек”... Следовательно до ста человек – сказал Государь, и, обратясь к генерал-лейтенанту Вельяминову, заметил: на первый раз достаточно» [Бентковский 1887: 2]. Далее И.В. Бентковский пишет: «С 18 октября 1837 г. начинается новая эра в истории распространения народного просвещения на Кавказе и развитие экономического состояния в Ставрополе. Оставляя продолжение наших воспоминаний до следующего раза, не можем не вспомнить о благотворном влиянии на жизнь юной Ставропольской гимназии, нуждавшейся тогда в сильной поддержке местной высшей власти. Можно сказать, к счастию ея, после смерти Вельяминова, начальником области назначен был генерал-лейтенант Павел Христофорович Граббе, вступивший в отправление своих обязанностей 30 мая 1838 г. До него о воспитании юношества мало заботились, а по крайней мере не столько как следовало и можно было. Гимназия только что начала существовать и для поддержания ея необходимо было много труда и нравственного влияния со стороны главного местного начальника. Генерал Граббе по мере возможности старался вникать в тогдашнее положение гимназии, состоявшей в ведении Харьковского учебного округа. Хотя попечение об этом заведении и не относилось к непосредственным его обязанностям, но забота о благосостоянии ея не давала ему покоя. В свободные от занятий часы П.Х. Граббе, очень часто посещал гимназию и нередко, лучших ея воспитанников вместе с преподавателями, приглашал к себе на обеды и балы, желая этим в одних возбудить соревнование, а других заставить вести молодых людей к истинной цели просвещения» [Бентковский 1887: 2].

После открытия Ставропольской гимназии военный министр А.И. Чернышев 23 декабря 1837 г. изложил командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории А.А. Вельяминову мнение императора по вопросу образовательной политики на Кавказе: «Учреждение при Ставропольской гимназии особого пенсиона, для обучения детей горцев, было бы в настоящее время совершенно излишним, и потому гораздо удобнее детей высшего звания горцев, воспитывать как и ныне в кадетских корпусах; а детей низшего класса, в школах при штабах Кавказских линейных казачьих полков, а также при ближайших полковых и батальонных штабах войск Отдельного Кавказского корпуса» [РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176. Л. 150 об.–151].

После предложений Ф.А. БековиЧа-Черкасского и Г.А. Эммануэля об открытии школы в Нальчике, в 1836 г. Султан Хан-Гирей в своих «Записках о Черкесии» также высказался за создание школ для адыгов Северо-Западного Кавказа. Он предлагал: «устройство учебных заведений как для княжеских и узденских детей, так и для детей простого народа, назначение деятельного и просвещенного человека попечителем над просвещением и образованием черкесского народа» [Дьяков 1958: 178]. На устройство школ Султан Хан-Гирей смотрел, как на одну из тех мер при помощи которых власти должны были «водворить между ними спокойствие кроткими мерами» [Дьяков 1958: 178]. Однако, как и предыдущие проект Султана Хан-Гирея не был реализован.

Представители северокавказских народов в 20–30-е гг. XIX в. стали активнее привлекаться российским правительством к военной службе [Казаков 2006: 4]. Детям из привилегированных сословий было предоставлено право поступать в кадетские школы, где они получали светское образование. Кадетские школы представляли собой закрытые начальные общеобразовательные учреждения с пятилетним сроком обучения. Выпускники их подлежали зачислению без экзаменов в юнкерские училища, лучшие из них поступали в шестой класс кадетских корпусов.

Создание воинских формирований из кавказских выходцев и открытие в них школ было приоритетом в образовательной политике российских властей во второй четверти XIX в. Кадетские училища и воинские формирования стали главной площадкой для подготовки кадров из горцев, что было необходимо для поддержки

пророссийской политики. Однако в отношении этих усилий имперских властей, проявилось неоднозначное отношение со стороны местного населения.

В 1828 г. для усиления влияния на присоединенные кавказские территории был сформирован лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон Собственного Его Императорского Величества конвоя, предназначенный для несения конвойной службы при царском дворе. Еще в 1836 г. командующий войсками Кавказской линии и в Черномории генерал А.А. Вельяминов, писал шефу жандармов А.Х. Бенкendorфу, «что всякий горец, как бы ни был уважаем в своем народе, теряет уважение и доверенность, как скоро начнет действовать согласно с видами нашего правительства... Это однако же не означает, чтобы бесполезно было бы брать в Конвой горцев; многие из них, по возвращении, могут по крайней мере быть употребляемы как тайные агенты» [Петин 1899: 94–95]. Отношение горцев к образовательной политике и военным формированиям раскрывается в «Записке о службе узденя кабардинского майора Шарданова российскому правительству», где он пишет: «В 1826 году когда Высочайше повелено было составить горской гвардейской полу-эскадрон, генерал Эмануель прибыл сам в Кабарду вместе с Султаном Азамат-Гиреем собрав всех кабардинских князей и узденей и всех старшин балкарских, хулагских, безенгиеевских, чегемских и урусиевских, он объявил им волю Государя, все князья уздени и старшины, единодушно отказались участвовать в составе полу-эскадрона генерал Эмануель три дня ходил их упрашивать без успешно, посыпал местного начальника полковника Коцарева убедить их, и так же безуспешно и не сделав ничего уехал в Тахтамыш, тогда полковник Коцарев поручил мне явиться в собрание и попытаться склонить оное на предложение Государя, я добрыми внушениями успел убедить их, так что на другой день все собрание явилось к полковнику Коцареву, объявило свое согласие и тут же был назначен весь состав полу-эскадрона» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 343. Л. 62 об.]. Если в 20–30-е гг. к конвою было отношение как описывали Я.М. Шарданов и А.А. Вельяминов то впоследствии «представители самых известных родов оспаривали право вступить в ряды «царского конвоя», многие по нескольку лет числились кандидатами, часто использовались личные знакомства и протекции высокопоставленных лиц» [Глашева 2018: 84].

Первая команда Конвоя была сформирована по высочайшему повелению в городе Ставрополе 18 сентября 1828 г. командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории генералом от кавалерии Г.А. Эммануэлем. В мае 1829 г. лейб-гвардии Кавказско-горский взвод под началом ротмистра Султана Азамат-Гирея, прибыл в Санкт-Петербург. В состав взвода входили: три обер-офицера, один эфенди, шесть юнкеров (унтер-офицеров), 40 оруженосцев и 23 нестроевых служителя при 49 строевых и 30 заводских лошадях [Петин 1899: 48; Шомахов 2009: 46]. Полуэскадрон «комплектовался из представителей почетных фамилий, по одному или более от каждого племени» [Голушкин 2004: 25]. 30 апреля 1830 г. император Николай I утвердил «Положение о лейб-гвардии Кавказско-Горском полуэскадроне» [ПСЗРИ. Собр. II. 1830. Т. V. Отд. 1-е. № 3641. СПб., 1831. С. 379], в котором определялась организационно-штатная структура подразделения. В него включили князей и узденей Большой и Малой Кабарды, представителей знатных фамилий чеченцев, кумыков, лезгин, ногайцев и других кавказских народов. Полуэскадрон был разбит на группы по народностям, в каждой из которых имелся свой старший начальник. Подчинялся полуэскадрон с августа 1829 г. командующему Императорской Главной квартирой, начальнику III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии генерал-адъютанту А.Х. Бенкendorфу. Согласно штатам 1830 г. в подразделении полагались 5 офицеров, 9 юнкеров, 40 оруженосцев, 3 трубача, 1 эфенди, 1 казначай [Кудашев 1913: 123]. Указом 6 октября 1837 г. «О комплектовании людьми лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона» [ПСЗРИ. Собр. II. 1837. Т. XII. Отд. 1-е. № 10570. СПб., 1838.

С. 766], император, внес изменения: 1. Одну половину лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона комплектовать людьми из Кавказско-Горского полка, к действующей армии прибыть долженствующая, высылая для сего в С.-Петербург, через каждые два года, по 12 человек из знатнейших горских фамилий, преимущественно таких, кои имеют влияние на народ свой; комплектование же другой половины того полуэскадрона оставить по-прежнему на обязанности кавказского начальства; 2. Комплектование это начать тогда, как Кавказско-Горский полк, в полном его составе, соберется в Варшаву [ПСЗРИ. Собр. II. 1837. Т. XII. Отд. 1-е. № 10570. СПб., 1838. С. 766].

10 февраля 1841 г. представители кабардинской знати через Кабардинский временный суд обратились к начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору А.Г. Пирятинскому (1833–1841) с инициативой открытия в Нальчикской крепости училища. Разработанный проект был основательно доработан в ходе длительного обсуждения на различных уровнях, прежде чем попасть на рассмотрение военного министра, а затем императора. После получения отрицательного «высочайшего» решения, командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории, генерал-лейтенант В.О. Гурко, обратился к главнокомандующему на Кавказе, А.И. Нейдгардту (1842–1844), с просьбой убедить власти в Петербурге пересмотреть свою позицию по поводу просьбы кабардинцев. В своем рапорте о необходимости устройства школы в Нальчике он писал, «что кабардинцы по обычной им народной гордости, едва ли согласятся отдать детей своих в кантонистские школы, а между тем они уже заготовили и доставили на место все материалы для постройки школы и потому, отказ в учреждении ее неминуемо огорчит их» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15. Л. 232]. В связи с этим, он снова ходатайствовал о разрешении основать в Нальчике школу для детей кабардинцев.

Из «Краткой записки дела об учреждении в Нальчике школы для обучения русскому языку детей кабардинских князей и первостепенных узденей № 42 за 1842 г.», видно, что в «октябре месяце 1842 г. господин бывший командующий Кавказского корпуса, представил предложение об учреждении в Нальчике школы, для обучения от 20 до 35 кабардинских детей» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 574. Л. 215]. Главное попечение над школою возлагалось на «начальника Центра Кавказской линии, председателя Кабардинского временного суда и народного эфендия. Устройство школы и содержание в оной воспитанников кабардинцы изъявляли желание принять на свой счет, потребных на возведение зданий для заведения, на общественную сумму, выручаемую за вывоз и продажу частными лицами леса» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 574. Л. 215]. В последовавшем высочайшем соизволение выставлялось «непременное условие, чтобы в число воспитанников поступала из горцев одна только половина, а другая назначена была преимущественно из детей русских дворян и обер-офицер, с допущением однако хотя нескольких сыновей отличнейших урядников линейного казачьего войска» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 574. Л. 215 об.]. Начало строительства школы откладывалось, по разным причинам, в том числе из-за смены командующего войсками. Новый начальник Центра Кавказской линии В.С. Голицын в своем рапорте новому командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории Н.С. Завадовскому объяснял задержку строительства школы частой сменой в его управлении инженер-офицеров.

За два года часть заготовленного строительного материала была использована, другая частью пришла в негодность. В 1845 г. начальник Центра Кавказской линии В.С. Голицын доносил командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории Н.С. Завадовскому, что для строительства школы необходима закупка нового материала. Он подчеркивал, что местное дерево плохого качества и предпочтительней будет каменная постройка. «Но для сооружения каменного здания администрации требовались каменщики, а главное – умелый архитектор.

Наем такого количества специалистов неизбежно привел бы к огромным финансовым издержкам» [Народное образование... 2001: 45–46]. В связи с недостаточным финансированием, российская администрация была вынуждена отложить строительство школы. Разработка положения о школе с подробным расчетом расходов, необходимых для ее содержания, была поручена комитету, созданному при штабе войск на Кавказе. Ему предстояло разработать предложения о составе, состоянии и средствах школ, учрежденных при войсках Отдельного Кавказского корпуса, и о мерах к их улучшению.

В течение 1844 г. шла переписка между командующим Отдельного Кавказского корпуса и начальником Черноморской береговой линии по согласования постройки школ в Анапе на 25 воспитанников детей горцев преимущественно из племени адыге; в Бомберах для общества абхазского племени; в Озургетах для гурийцев и мингрельцев на постройку необходимых для школ помещений было выделено 42077 рублей 96 $\frac{1}{2}$ копеек серебром» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 574. Л. 262]. Эта работа продолжалась и в 1846 г. в канцелярии Военного министерства, где рассматривались дела об учреждении школ на Кавказе: «1) Дело 1843 г. об общем устройстве всей учебной части за Кавказом. Оно возникло в следствии соглашении господ министров военного и просвещения, по коему все сведения обоими министерствами, препровождена к генерал-адъютанту князю Воронцову, для предварительного, смета начертания проекта положения для сей части о чем 1843 г. же уведомлен был управляющий Временным Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 2) Об учреждении в Нальчике особой школы для обучения русскому языку детей кабардинских князей; 3) Об учреждении на Черноморской береговой линии, для обучения детей туземных жителей, оба эти дела переданы в Кавказский комитет в минувшем году; и 4) Об учреждении школы в закубанском поселении. Дело это передано в Департамент военных поселений» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 574. Л. 218–218 об.].

В марте 1847 г. решение об учреждении в Нальчике школы для детей кабардинцев было отменено. Взамен на основании высочайшего повеления предлагалось учредить «школу военных воспитанников» состоящую из двух отделений: из 75 человек, из коих 25 детей кабардинцев, 25 детей русских чиновников и урядников и 25 кантонистов [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15. Л. 234].

Начиная с конца 40-х гг. XIX в. кавказская администрация начала реформирование системы образования. В соответствии с вступившим в силу новым положением, высшее управление регионом находилось в ведение кавказского наместника и Кавказского комитета под председательством А.И. Чернышева. Деятельность М.С. Воронцова на посту наместника ознаменовалась значительным вкладом в развитие образовательной системы, что было обусловлено его пристальным вниманием к данной сфере. При его содействии 18 декабря 1848 г. было принято «Положение о Кавказском учебном округе и учебных заведениях, оному подведомственных» [ПСЗРИ. Собр. II. 1848. Т. XXIII. Отд. 2-е. № 22838. СПб., 1849. С. 96–112], был учрежден Кавказский учебный округ, подчинявшийся кавказскому наместнику и Министерству народного просвещения. В Кавказском учебном округе были объединены закавказская и северокавказская части Кавказа. Централизация руководства и сосредоточение его непосредственно в Кавказском регионе позволило оперативно реагировать на возникающие потребности образования во всем регионе, проводить единую образовательную политику. Среди мер, которые способствовали бы развитию образования, было предложено увеличить количество учебных заведений и воспитательных учреждений, привлечь квалифицированных учителей с высокой зарплатой.

11 июня 1849 г. было принято «Положение о воспитании кавказских и закавказских уроженцев на счет казны, в высших и специальных учебных заведениях империи» [ПСЗРИ. Собр. II. 1849. Т. XXIV. Отд. 1-е. № 23307. СПб., 1849. С. 313–323],

особо отмечалось, что «обучение их в высших специальных учебных заведениях, сверх общих видов распространения просвещения в kraе, имеет еще особую местную цель, а именно: приуздание сыновей кавказских и закавказских жителей привилегированного сословия к занятию разных, даже высших должностей по всем родам службы на Кавказе и Закавказом» [ПСЗРИ. Собр. II. 1849. Т. XXIV. Отд. 1-е. № 23307. СПб., 1849. С. 313].

В конце 40-х гг. XIX в. опять вернулись к проекту создания школы в Нальчике. М.С. Воронцов определил местом для создания школы – станицу Екатериноградскую мотивировав перенос ее за пределы Кабарды необходимостью «устранив детей кабардинцев от постоянного влияния их родственников и вообще одноплеменников, предоставить более возможности к сближению с нами и усвоению понятий и обычаев наших» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15. Л. 238]. Т.Х. Кумыков считал, что данная политическая линия отражала «всю сущность русификаторской политики правительства» [Кумыков 2002: 350]. По всей видимости, под русификаторской политикой понимается целенаправленное воспитание будущей элиты, которая будет придерживаться пророссийских позиций. Открытие школы в Екатериноградской станице вызвало недовольство среди кабардинцев и оказалось делом не более легким, чем устройство ее в Нальчике. К этому прибавилось нежелание кабардинцев отпускать детей так далеко. Поэтому наместник вернул проект учреждения школы в Нальчик [Урушадзе 2015: 326].

В результате длительной переписки между Петербургом, Тифлисом и Нальчиком усилия кавказского начальства увенчались успехом. Школа должна была состоять из двух отделений: для солдатских детей и для детей знати по недостатку средств от первого отделения организаторы учебного заведения отказались. По причине возникших финансовых затруднений, как пояснил главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом, школа учреждалась только для детей привилегированных сословий народов подведомственных Центру Кавказской линии. Ответственность за проведение отбора кандидатов в Нальчикскую (Кабардинскую) школу была возложена на начальника Центра Кавказской линии, Г.Р. Эристова. Из его уведомления приставу балкарского народа Хоруеву следует, что школа из «кабардинского и горского юношества будет открыта 20 ноября сего года на основании утвержденного господином главнокомандующим положения на число 25 воспитанников, а потому прошу вас объявить всем родителям княжеских и узденских фамилий, для коих основана эта школа, что если кто пожелает отдать своих детей, чтобы их доставили в Нальчик к 15 ноября сего года и сами лично или с доверенными прямо ко мне» [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 3. Л. 181]. Такие же уведомления получили приставы дигорского, карачаевского народов и Малой Кабарды [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1018. Л. 17].

Из-за финансовых трудностей Нальчикская (Кабардинская) школа начала свою работу 1 января 1851 г., на 25 мест. В школе обучались дети от 9 до 16 лет, под руководством двух учителей, заведовал школой инспектор Кельчевский. В двухклассном учебном заведении изучали Закон Божий, русский, арабский и турецкий языки, а также арифметику, географию, историю, рисование. Целью обучения была подготовка к экзамену, необходимому для поступления на военную службу в звании унтер-офицера [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1018. Л. 6]. Школа финансировалась за счет средств Кабардинской общественной суммы. Среди учеников были представители разных народов: кабардинцы (Большой и Малой Кабарды), грузины (сваны), балкарцы, карачаевцы и осетины (дигорцы). Сведений о присутствии в школе представителей других национальностей, кроме горцев, в первоначальных списках не найдено, хотя отдельные документы указывают на наличие русских учеников. Из ведомости на 25 февраля 1851 г. в школе состояло: кабардинцев – 2, дигорцев – 4, балкарцев – 3, карачаевцев – 2, сванет – 1 [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1018. Л. 37]. Несмотря на то, что Нальчикская (Кабардинская)

школа просуществовала всего 10 лет, она оказала заметное влияние на образование горских народов Центрального Кавказа. По мнению Т.Х. Кумыкова, «она возникла как национальная, но функционировала как интернациональная» [Кумыков 1996: 213]. В 1860 г. школа была преобразована в Нальчикскую окружную горскую школу.

Подводя итог, хочется отметить, что результатом образовательной политики первой половины XIX в. были уездные училища в Георгиевске, Моздоке, Кизляре, Екатеринодаре, а также гимназии Екатеринодарская и Ставропольская. Данные учебные заведения готовили студентов для учебных заведений Санкт-Петербурга, Москвы и других городов России. В 1849 г. для детей горской знати было выделено около 150 мест [Историческая записка… 1887: 141–142].

Светское образование, начавшееся с аманатских школ, складывалась как система начальных образовательных учреждений, где осуществлялась подготовка кадров из горцев для военной и гражданской службы на Кавказе. Образование, которое получали, горцы в военных и светских учебных заведениях было, призвано подготовить из них не просто лояльных России управленцев и военных, но и сформировать у представителей зарождающейся северокавказской интеллигенции новое понимание воинского и административного долга, видя в служении России идею служения собственной родине.

Список источников и литературы

- Айларова 2009 – *Айларова С.А.* Об одном урбанистическом проекте Ф.А. Бековича-Черкасского // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2009. № 3. С. 105. С. 99–106.
- АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии.
- Архив ИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук.
- Бентковский 1887 – *Бентковский И.В.* Император Николай I в Ставрополе // Ставропольские губернские ведомости. 1887. № 42. 17 октября. С. 1–2.
- Бутков 1869 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. 543 с.
- Галушкин 2004 – *Галушкин Н.В.* Собственный Его Императорского Величества конвой / Под ред. П.Н. Стрелянова (Калабухова). М., 2004. 416 с.
- Гатагова 1993 – *Гатагова Л.С.* Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX веке. М., 1993. 141 с.
- Глашева 2018 – *Глашева З.Ж.* Горская аристократия в составе императорской армии // Военно-исторический журнал. 2018. № 10. С. 81–85.
- Глашева 2024 – *Глашева З.Ж.* Зарождение и развитие светского образования у народов Центрального Кавказа в конце XVIII в. – первой половине XIX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2024. № 4 (67). С. 25–33.
- Дьяков 1958 – *Дьяков В.А.* «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем» // История СССР. 1958. № 5. С. 174–178.
- Историческая записка… 1887 – Историческая записка о Ставропольской гимназии / Сост. М.В. Краснов. Ставрополь-Казанский, 1887. 321 с.
- Казаков 2006 – *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе: воеводы и офицеры: середина XVI – начало XX в.: биографический справочник. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 405 с.
- Клычников 2002 – *Клычников Ю.Ю.* Адыгские просветители – носители идей российскости // Вопросы северокавказской истории (научный сборник). Армавир, 2005. Вып. 10; *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. 494 с.
- Клычникова 2006 – *Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю.* Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). Пятигорск, 2006. 157 с.
- Копачев 1964 – *Копачев И.П.* Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии в XVIII – 30-х годах XX века. Нальчик, 1964. 179 с.

- Краснов 1913 – Краснов М.В. Просветители Кавказа. Ставрополь, 1913. 102 с.
- Кудашев 1913 – Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев: Типо-Лит. С.В. Кульженко, 1913. 283 с.
- Кумыков 1996 – Кумыков Т.Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1996. 325 с.
- Кумыков 2002 – Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкарокарабаевцев в XIX начале – XX в. Нальчик: Эльбрус, 2002. 446 с.
- Народное образование... 2001 – Народное образование в Кабарде и Балкарии в XIX – начале XX в. Сборник архивных документов / Сост. М.З. Саблиров. Нальчик, 2001. 272 с.
- Петин 1899 – Петин С.И. Собственный Его Императорского Величества конвой. 1811–1911: исторический очерк. СПб., 1899. 436 с.
- Шомахов 2009 – Шомахов А.К. Лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон – элита Собственного Его Императорского Величества конвоя // Теория и история права и государства. 2009. № 1. С. 46–48.
- ПСЗРИ. – Полное собрание законов Российской империи.
- Пылков 2006 – Пылков О.С. О подготовке горцев-военных в Новороссийской азиатской школе в середине XIX в. (по материалам ГАКК) // Вопросы южнороссийской истории. М.-Армавир, 2006. Вып. 12. 186 с.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Титоренко, Шкилева 2008 – Титоренко М.Ф., Шкилева О.Г. К вопросу развития образования у мусульман Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // Голос минувшего. Краснодар, 2008. № 3–4. С. 26–37.
- Умаров 2023 – Умаров Д.В. Образовательная политика Российской империи на Кавказе в середине XIX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2023. № 1 (60). С. 39–42.
- Урушадзе 2015 – Урушадзе А.Т. Нальчикская школа: трудный путь к открытию // Лавровский сборник: Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014–2015 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 322–328.
- УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики.

References

- AJLAROVA S.A. *Ob odnom urbanisticheskem proekte F.A. Bekovich-Cherkasskogo* [About an urban project by F.A. Bekovich-Cherkassky] // Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarny'x i social'ny'x issledovanij. 2009. № 3. S. 105. P. 99–106. (In Russian)
- Akty' Kavkazskoj arxeograficheskoy komissii* [Acts of the Caucasian Archaeological Commission].
- Arxiv Instituta gumanitarny'x issledovanij Kabardino-Balkarskij nauchny'j centr Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences].
- BENTKOJSKIJ I.V. *Imperator Nikolaj I v Stavropole* [Emperor Nicholas I in Stavropol] // Stavropol'skie gubernskie vedomosti. 1887. № 42. 17 oktyabrya. P. 1–2. (In Russian)
- BUTKOV P.G. *Materialy` dlya novoj istorii Kavkaza s 1722 po 1803 g.* [Materials for the modern history of the Caucasus from 1722 to 1803] SPb., 1869. 543 p. (In Russian)
- GALUSHKIN N.V. *Sobstvenny'j Ego Imperatorskogo Velichestva konvoj* [His Imperial Majesty's own convoy] / Pod red. P.N. Streljanova (Kalabuxova). M., 2004. 416 p. (In Russian)
- GATAGOVA L.S. *Pravitel'stvennaya politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX veke* [Government policy and public education in the Caucasus in the 19th century]. M., 1993. 141 p. (In Russian)
- GLASHEVA Z.Zh. *Gorskaya aristokratiya v sostave imperatorskoj armii* [The Highland aristocracy in the Imperial army] // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2018. № 10. P. 81–85. (In Russian)
- GLASHEVA Z.Zh. *Zarozhdenie i razvitiye svetskogo obrazovaniya u narodov Central'nogo Kavkaza v konce XVIII v.–pervoj polovine XIX v.* [The origin and development of secular education among the peoples of the Central Caucasus in the late 18th century – the first half of the 19th century] // Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki. 2024. № 4 (67). P. 25–33. (In Russian)

- D'YAKOV V.A. «*Zapiski o Cherkesii, sochinenny'e Xan-Gireem»* [«Notes on Circassia, composed by Khan-Giray»] // История СССР. 1958. № 5. P. 174–178. (In Russian)
- Istoricheskaya zapiska o Stavropol'skoj gimnazii* [Historical note about Stavropol Gymnasium] / Sost. M.V. Krasnov. Stavropol'-Kazanskij, 1887. 321 p. (In Russian)
- KAZAKOV A.V. *Ady'gi (cherkesy) na rossijskoj voennoj sluzhbe: voevody i oficerы: seredina XVI – nachalo XX v.: biograficheskij spravochnik* [Adygis (Circassians) in Russian military service: military leaders and officers: the middle of the XVI – early XX century.: biographical reference]. Nal'chik: E'l-fa, 2006. 405 p. (In Russian)
- KLY'CHNIKOV Yu.Yu. *Ady'gskie prosvetiteli – nositeli idej rossijskosti* [The Adyghe enlighteners are the bearers of the ideas of Russianness] // Вопросы severokavkazskoj istorii (nauchnyj sbornik). Armavir, 2005. Vy'p. 10; Kly'chnikov Yu.Yu. Rossijskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.). Pyatigorsk, 2002. 494 p. (In Russian)
- KLY'CHNIKOVA M.V., KLY'CHNIKOV YU.YU. *Vxozhdenie Severnogo Kavkaza v kul'turnoe pole Rossii (1777–1864 gg.)* [The entry of the North Caucasus into the cultural field of Russia (1777–1864)]. Pyatigorsk, 2006. 157 p. (In Russian)
- KOPACHEV I.P. *Razvitiye shkol'nogo obrazovaniya v Kabardino-Balkarii v XVIII – 30-x godax XX veka* [The development of school education in Kabardino-Balkaria in the XVIII – 30s of the XX century]. Nal'chik, 1964. 179 p. (In Russian)
- KRASNOV M.V. *Prosvetiteli Kavkaza* [Enlighteners of the Caucasus]. Stavropol', 1913. 102 p. (In Russian)
- KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskem narode* [Historical information about the Kabardian people]. Kiev: Tipo-Lit. S.V. Kul'zhenko, 1913. 283 p. (In Russian)
- KUMY'KOV T.X. *Kul'tura, obshhestvenno-politicheskaya my'sl i prosveshhenie Kabardy vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Culture, socio-political thought and enlightenment of Kabarda in the second half of the 19th – early 20th century]. Nal'chik: E'l-brus, 1996. 325 p. (In Russian)
- KUMY'KOV T.X. *Obshhestvennaya my'sl i prosveshhenie ady'gov i balkaro-karachaevcev v XIX nachale – XX v.* [Public thought and education of the Adyghe and Balkarian-Karachays in the 19th and early 20th centuries]. Nal'chik: E'l-brus, 2002. 446 p. (In Russian)
- Narodnoe obrazovanie v Kabarde i Balkarii v XIX – nachale XX v.* [Public education in Kabarda and Balkaria in the 19th and early 20th centuries]. Sbornik arxivnyx dokumentov / Sost. M.Z. Sablirov. Nal'chik, 2001. 272 p. (In Russian)
- PETIN S.I. *Sobstvennyj Ego Imperatorskogo Velichestva konvoj. 1811–1911: istoricheskij ocherk* [His Imperial Majesty's own convoy. 1811–1911: a historical sketch]. SPb., 1899. 436 p. (In Russian)
- SHOMAKHOV A.K. *Lejb-gvardii Kavkazsko-Gorskij polue'skadron – e'lita Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva konvoja* [The Caucasian-Mountain Half-Squadron of the Life Guards is the elite of His Imperial Majesty's Own convoy] // Теория и история права и государства. 2009. № 1. P. 46–48. (In Russian)
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire].
- PY'LKOV O.S. *O podgotovke gorcev-voennyyx v Novorossijskoj aziatskoj shkole v seredine XIX v. (po materialam GAKK)* [On the training of military mountaineers at the Novorossiysk Asian School in the middle of the 19th century (based on the materials of the GAKK)] // Вопросы yuzhnorossijskoj istorii. M.; Armavir, 2006. Vy'p. 12. 186 p. (In Russian)
- Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arxiv* [Russian State Military Historical Archive].
- Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arxiv* [Russian State Historical Archive].
- TITORENKO M.F., SHKILEVA O.G. *K voprosu razvitiya obrazovaniya u musul'man Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX v.* [On the development of education among Muslims of the North Caucasus in the 19th and early 20th centuries] // Golos minuvshego. Krasnodar, 2008. № 3–4. P. 26–37. (In Russian)
- UMAROV D.V. *Obrazovatel'naya politika Rossijskoj imperii na Kavkaze v seredine XIX v.* [The educational policy of the Russian Empire in the Caucasus in the middle of the 19th century] // Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki. 2023. № 1 (60). P. 39–42.
- URUSHADZE A.T. *Nal'chikskaya shkola: trudnyj put' k otkry'tiyu* [Nalchik school: a difficult path to opening] // Lavrovskij sbornik: Materialy XXXVIII i XXXIX Sredneaziatsko-Kavkazskix chtenij 2014–2015 gg. Etnologiya, istoriya, arxeologiya, kul'turologiya. SPb.: MAE RAN, 2015. P. 322–328.

З.Ж. Глашева. История развития образовательной системы у народов Центрального Кавказа ...

Upravlenie Central'nogo gosudarstvennogo arxiva Kabardino-Balkarskoj Respubliki
[Department of the Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic].

Информация об авторе

З.Ж. Глашева – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the author

Z.Zh. Glasheva – Candidate of Science (History), Research Fellow in the Sector of Contemporary History.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025; одобрена после рецензирования 24.12.2025;
принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 11.11.2025; approved after reviewing 24.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.